

— Ты говорил о трех главных открытиях своей жизни — о Чехове рассказал подробно, а до Достоевского и Островского мы так еще и не добрались

— Я в студенческие годы сыграл Лужина в «Преступлении и наказании». Спустя 30 лет эта работа оказалась для меня важным мостиком к образу Хлебонасущенского, когда я снимался в «Петербургских тайнах». Потом играл Рогожина, Шатова. А сейчас в Малом театре Владимир Драгунов репетирует «Преступление и наказание» и предложил мне роль Порфирия Петровича. Мне, честно говоря, интереснее Свидригайлов. Но если буду играть Порфирия, хотел бы сыграть трагедию человека, который все знает. Вот выходит Раскольников, а он знает: убийца. Он все знает, понимаешь? И в этом — трагедия

— А ты, все знающий про свою профессию, тоже ощущаешь это как трагедию?

— Нет, что ты! Я знаю про свою профессию главное — она настолько неожиданна, преподносит такие сюрпризы. Ведь редко бывает, что профессия ложится на жизнь. Артист все время подкладывает, а когда это происходит само — вот оно, чудо.

— Насколько я понимаю, это происходит у тебя сейчас в Островском, когда играешь Ахова?

— Да. Я вообще много думаю об Островском. Может быть, самый великий наш драматург, который все про нас понял. Ты перечитай его пьесы — у него никогда слова не сходятся с ситуацией. Мы привыкли это у Чехова замечать, а Чехов не случайно восхищался «Пучиной», он многое взял у Островского. Дудки, что Островский — певец простоты. Он, может быть, и сам не догадывался, что писал. А как сегодня все это звучит — ведь полетели все регламенты, непонятно, кого осуждать, кого оправдывать. Это же беда...

Нет, не обвиняй меня в старческом брюзжании, но я скучаю по худсоветам в театре. Их обвиняют — все закрывали, все запрещали, зарубали, но сейчас никто ничего не запрещает. И что? Много ли спектаклей, которые потрясают? Я включаю телевизор, мне рассказывают о спектакле: как он гениально репетировался, как лучшие из лучших шили костюмы, ставили свет, как все замечательно, а потом я иду посмотреть этот раскрученный спектакль и вижу, как плохо. Плохо.

Я был членом нескольких художественных советов, всегда ругался с начальством, мы знали, что есть спектакли, которые мы называли «нужниками», но обязательно на каждом худсовете поднимался разговор о пошлости. Она проскочить не могла, а сейчас она вырвалась наружу, как прорвалась бездарность во многих областях нашей жизни. Почему? Да потому, что талант — вещь сокровенная, скрытая, ее надо достать, а достать некогда, вот и прорвались бездарности. Мы дорого за это заплатим и платим уже не одним поколением. Не дай бог, чтобы снова начали что-то запрещать, но есть вещи, к которым мы сами должны относиться серьезно.

— Так на что же надеяться?

— Все великое в природе имеет способность к самоочищению. На это и будем надеяться. Может быть, наши дети будут жить лучше нас, но рано или поздно и в них проснется наше вечное душевное беспокойство, вечное свойство нашего характера искать и находить духовные ценности.

Беседовала
Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ

Фото Валентина ИВАНОВА